

Н. Ф. Сумцов

**Разыскания в области анекдотической
литературы**

Анекдоты о глупцах

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. Ф. Сумцов**
Разыскания в области анекдотической литературы: Анекдоты о глупцах / Н. Ф. Сумцов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 213 с.

ISBN 978-5-458-02142-5

ISBN 978-5-458-02142-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Проф. Н. С. Сумцовъ.

РАЗЫСКАНІЯ

ВЪ

ОБЛАСТИ АНЕКДОТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

АНЕКДОТЫ О ГЛУХЦАХЪ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій переул., домъ № 17-й.

1898.

27233.88

transcribed

Отдельные оттиски из Сборника Харьковского Историко-Филологического Общества 1898 г.

E

Анекдоты о глупцахъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Анекдоты о недомыслии лишь недавно стали привлекать къ себѣ вниманіе фольклористовъ и этнографовъ въ такой степени, что въ научной литературѣ стали появляться специально посвященныя имъ монографіи.

Сколько мнѣ извѣстно, въ западной научной литературѣ есть лишь одно крупное изслѣдованіе извѣстнаго англійскаго фольклориста *Клоустона* „The book of poodles“. Читатель встрѣтитъ у насъ много извлеченій изъ этого изслѣдованія. У Клоустона подробно разобраны мотивы о глупыхъ народахъ, преимущественно о готемитахъ и о плачущихъ глупцахъ. Но у Клоустона многіе мотивы о недомыслии пройдены полнымъ молчаніемъ, напр., всѣ мотивы о глупыхъ мужьяхъ, и затѣмъ славянскій матеріалъ очень скудный.

Въ славянскихъ научныхъ литературахъ лишь весьма немногіе отдѣльные мотивы были предметомъ научнаго изученія, имѣемъ въ виду статьи г. *Франка* о жидовской войнѣ, статью г. *Полъски* „*My trzy brata*“, летучую замѣтку *Потебни* въ 3 вып. „Къ исторіи звуковъ“, статью *Кузмичевскаго* о турецкихъ анекдотахъ въ народной словесности въ *Кіев. Стар.* 1886 г. 1 и 2.

Подробнѣе всего останавливается на анекдотахъ г. *Пельтцеръ* въ сочиненіи „Происхожденіе анекдота въ русской народной словесности“. Трудъ его изданъ одновременно съ настоящимъ нашимъ изслѣдованіемъ въ XI томѣ Сборника Харьковскаго историко-филологическаго общества, гдѣ онъ служитъ своего рода введеніемъ къ настоящему нашему изслѣдованію. Г. Пельтцеръ даетъ довольно точное и обстоятельное опредѣленіе понятія анекдота, опредѣляетъ его отношеніе къ сказкѣ, повѣсти, баснѣ, влияніе западныхъ литературныхъ памятниковъ и пр. т. п. Авторъ въ концѣ статьи касается нѣкоторыхъ анекдотовъ о недомыслии, напр., анекдота о томъ, какъ чоловикъ вола загубивъ, анекдотовъ о глупыхъ литвинахъ.

Въ настоящемъ нашемъ изслѣдованіи собраны и систематизированы если не всѣ, то во всякомъ случаѣ значительное большинство анекдотовъ о недомыслии.

Еще Эразмъ Ротердамскій въ Похвалѣ глупости обрисовалъ универсальное значеніе человѣческой глупости. Съ такимъ значеніемъ глупость выступаетъ въ обширномъ циклѣ сказокъ и анекдотовъ. Глупыми оказываются люди молодые и старые, мужики, паны и попы. Есть впрочемъ нѣкоторый перевѣсъ на сторонѣ однихъ и нѣкоторая осторожность относительно другихъ. Чаще всего въ роли глупца выступаютъ сынъ, мужъ или жена, рѣже чуть ли не въ однихъ лишь сказкахъ о трехъ глупцахъ, плачущихъ о воображаемомъ горѣ, выведены отецъ и мать; также рѣдки сказки о глупой дѣвушкѣ, должно быть въ виду существованія громаднаго цикла сказокъ и легендъ о мудрой дѣвѣ.

Сказки и анекдоты о глупцахъ распространены по всему земному шару и встрѣчаются въ весьма разнообразныхъ обработкахъ, которыя, однако, при всемъ ихъ внѣшнемъ разнообразіи, можно разложить на опредѣленный рядъ основныхъ элементовъ или простѣйшихъ мотивовъ и свести въ опредѣленные группы. Почти каждый мотивъ встрѣчается отдѣльно, но чаще въ соединеніи съ нѣсколькими другими мотивами. Въ однихъ сказкахъ соединеніе это случайное; въ другихъ оно довольно устойчивое; но особенно прочнаго и неизбѣжнаго тутъ ничего нѣтъ. Если бы былъ поставленъ вопросъ, что представляетъ въ данномъ случаѣ большій интересъ для научнаго изученія—отдѣльные элементы или болѣе или менѣе установившіяся групповыя ихъ сочетанія, можно сказать, признавая за тѣми и другими несомнѣнное значеніе, что наивозможно болѣе полное опредѣленіе основныхъ мотивовъ представляется въ особенности завлекательнымъ въ историко-литературномъ отношеніи.

Не вдаваясь пока въ подробности, можно намѣтить два общихъ обширнѣйшихъ разряда—сказки о глупыхъ индивидуумахъ и сказки о глупыхъ народахъ; эти разряды тѣсно связаны и взаимно переплетаются; мотивы одного цикла часто входятъ въ циклъ другой.

Въ ряду мотивовъ выдѣляется нѣсколько особенно устойчивыхъ и сильныхъ, которые привлекаютъ къ себѣ другіе и ложатся въ основу цѣлаго гнѣзда. Таковъ мотивъ о трехъ плачущихъ глупцахъ, который привлекаетъ къ себѣ мотивы ношенія свѣта въ ведрѣ, встаскиванія коровы на колокольню, прохожаго съ того свѣта, иногда рядъ другихъ, давая имъ болшею частію лишь внѣшнее объединеніе. Мотивы о высиживаніи жеребенка, о мужѣ беременномъ, о теленкѣ сынъ стоятъ въ близкой психологической связи; мотивы объ отдачѣ теленка въ школу можно разсматривать какъ самостоятельное развитіе частнаго мотива о беременномъ мужикѣ.

Нѣкоторыя сказки о дурняхъ отличаются своеобразнымъ сочетаніемъ весьма разнородныхъ мотивовъ, напр., въ одной бѣлорусской сказкѣ развиты: 1) мотивы о невѣрной женѣ (дуракъ здѣсь соотвѣтствуетъ скоморохамъ въ Пѣснѣ о гостѣ Терентыищѣ), 2) мотивъ о мертвомъ тѣлѣ и 3) мотивъ о дурнѣ-плутѣ въ мѣшкѣ ¹⁾. Въ имеритинской сказкѣ мотивъ о плачущихъ глупцахъ соединенъ съ мотивомъ о прохожемъ съ того свѣта ²⁾. Въ особенности калейдоскопическимъ представляется циклъ сказокъ о плачущихъ глупцахъ. Въ индійской сказкѣ изъ Камаона соединены мотивы: 1) утилизація трупа, 2) кормленіе собственной тѣни и 3) испражненіе на деревѣ ³⁾.

Въ славянскихъ сказкахъ встрѣчаются типичныя черты глупости въ видѣ общихъ мѣстъ, чаще всего глупецъ сидитъ на печкѣ (великор., малор., бѣлор., болг. и польск.), играетъ на дудкѣ (велик., бѣлор., малор.), качается на томъ бревнѣ, гдѣ вѣшаютъ одежду (малор.), на печкѣ сидитъ, въ клубокъ сопли мотаетъ (Самар. губ.).

При развитіи и осложненіи анекдотовъ о глупцахъ въ большія сказки или повѣсти большую роль играетъ народно-поэтический принципъ троенія. Два крупныхъ разряда повѣстей о глупцахъ, повѣсти о плачущихъ глупцахъ и повѣсти о соревнованіи глупцовъ всецѣло построены на троеніи.

Можно утверждать, что нѣтъ такого рода словесности, куда не проникли бы анекдоты о глупцахъ. Чаще всего они передаются въ формѣ сказокъ или повѣстей, встрѣчаются въ видѣ басенъ, въ видѣ пѣсенъ, причемъ въ видѣ пѣсенъ встрѣчаются въ формѣ былевой, пѣсенъ вечерничныхъ и свадебныхъ.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ дѣвушки--подруги невѣсты осмѣиваютъ боярѣ жениха, напр., въ одной малорусской пѣснѣ бояре, встрѣтивъ въ селѣ калюжу, говорятъ: „то медъ, то медъ“, свинью принимаютъ за волка, гусей за сыръ, клуню за церковь, и вездѣ сваха вразумляетъ ⁴⁾.

Есть основанія предполагать, что старинные скоморохи сдѣлали попытку ввести въ пѣсенный репертуаръ сказочные мотивы о Еремѣ дурачкѣ неудачномъ мѣнялѣ. Пѣсни этого рода записаны въ Архангельской губ. Оома и Ерема пускаются ловить рыбу въ лодкѣ безъ дна, три года тонуть не могутъ утонуть, накупили холстовъ, поѣхали въ Ростовъ и промѣняли ихъ на свиные хвосты, посѣяли рожь и овесъ; хлѣбъ не взошелъ; тогда Оома и Ерема соху и борону въ огонь, лошадь по горлу ножомъ, а сами съ пашни бѣгомъ ⁵⁾.

1) *Шейнъ*, Матеріалы II 232.

2) *Сборн.* Матер. для опис. Кавк. XIX, 30.

3) *Минаевъ*, Инд. ск. 38—42.

4) *Потебня*, Къ ист. звуковъ III 134 (изъ сборн. Войццкаго), II (изъ Голов.).

5) *Аванасевъ*, III 393.

Подъ вліяніемъ скомороховъ сказки о Ёомѣ и Еремѣ пользовались въ старину большою популярностью; они сохранились въ рукописяхъ XVIII и даже XVII ст., проникли въ лубочную литературу и въ народныя пословицы. Широкая популярность пѣсенъ и сказокъ о Еремѣ была уже отмѣчена наблюдательными этнографами Аванасьевымъ и Шейнымъ ¹⁾. На сказкахъ о Ёомѣ и Еремѣ подробно останавливается Ровинскій въ капитальномъ изслѣдованіи о лубочныхъ картинахъ ²⁾. Несомнѣнно скоморохи разработали мотивъ о глупомъ мужѣ въ пѣсню о гостѣ Терентищѣ. Далѣе скоморошій характеръ носитъ стихотворная обработка мотива о неудачномъ повтореніи совѣтовъ, нашедшая мѣсто въ древнѣйшемъ сборникѣ русскихъ народныхъ пѣсенъ Кириши Данилова. Подробнѣе на этихъ пѣсняхъ мы остановимся при обзорѣ сказокъ о неудачномъ повтореніи совѣтовъ и сказокъ о томъ, какъ жены дурятъ мужей.

Во многихъ анекдотахъ о глупцахъ обнаруживается территориальное приуроченіе. Въ разрядъ сказокъ о глупыхъ обывателяхъ входятъ древнеклассическія объ абдеритахъ, беотійцахъ и сидонцахъ, французскія о глупыхъ обывателяхъ Рюо, нѣмецкія о вендахъ, шильдбургерахъ, лалленбургерахъ, болгарскія о стеблевцахъ, кабилскія о Бени-Дженахъ, англійскія о готемитахъ, великорусскія о пошехонцахъ, малорусскія о литвинахъ, жидкахъ и цыганахъ, грузинскія объ окрибцахъ и др. Сказки о глупыхъ народахъ представляютъ часто просто сказки о глупыхъ людяхъ съ подставкой собственнаго имени. Мотивы сказокъ о глупыхъ народахъ иногда переносятся на сказки о великанахъ, обрисовываемыхъ обыкновенно глупцами, иногда на чертей, на нѣкоторыхъ животныхъ.

Кромѣ территориальнаго приуроченія анекдотовъ о глупыхъ людяхъ встрѣчается еще приуроченіе личное, въ связи съ какимъ-нибудь именемъ, въ Россіи, напр., съ именемъ Иванушки, которому во французскихъ анекдотахъ отвѣчаетъ Jean le Diot, Jean le Simple, Jean l'Innocent ³⁾. Съ Иванушкой дурачкомъ связаны въ Россіи многіе мотивы, не заключающіе въ себѣ тѣхъ анекдотовъ, которые всегда вплетаются въ сказки о глупцахъ. Типичными примѣрами личной концентрации анекдотовъ о глупости служатъ сицилійскій Джуфа (Giufa) и въ особенности турецкій Насръ-единъ ходжа. Къ этимъ типичнымъ глупцамъ въ русской литературѣ отчасти примыкаетъ шутъ Балакиревъ. О такихъ лицахъ существуютъ кое-какія біографическія данныя, частью историческаго характера, частью вымышленныя. Такъ, о Насръ-единѣ говорятъ, что онъ былъ современникомъ

¹⁾ *Аванасьевъ*, Р. н. св. IV 511. *Шейнъ*, Великорусскъ I 265 и сл.

²⁾ *Ровинскій*, Рус. луб. карт. IV.

³⁾ *Sebillot*, Contes pop. d. la N. Bretagne 219; *Ею же*, Litter, pop. de la N. Br. I 96 и въ *Revue d. trad. pop.* IX 338, 347.

Тамерлана (XIV в.), былъ подданнымъ независимаго хана Карамана и жилъ въ его столицѣ въ малоазіатской Коніи. Къ числу любопытныхъ и цѣнныхъ въ историко-литературномъ смыслѣ личныхъ приуроченій анекдотовъ нужно отнести еще нѣмецкаго Тилля Эйленшпигеля. Бродячіе анекдоты чрезвычайно легко пристають къ собственнымъ именамъ. Балакиревъ — лицо историческое; но въ сказанія о его продѣлкахъ внесено много такого, что рассказываетя о другихъ шутахъ. Личность высоко-образованнаго украинскаго философа Сквороды († 1794), ничего общаго не имѣетъ съ Насръ-единами, Эйленшпигелями и Балакиревыми, но лишь потому, что Скворода былъ скромный аскетъ—странникъ, къ нему народная молва приурочила анекдотъ о томъ, какъ онъ сберегъ платье отъ дождя, раздѣвшись до-нага, анекдотъ, обыкновенно связываемый съ турецкимъ Насръ-единомъ.

При изслѣдованіи анекдотовъ о глупости представляется двѣ трудности: обиліе мотивовъ на эту тему и, главное, большое ихъ разнообразіе и разрозненность. Мнѣ, какъ автору, пріятно не то, что мнѣ удалось собрать и сгруппировать довольно большой матеріалъ. При большемъ усердіи и располагая болѣе свободнымъ временемъ на этомъ пути можно достичь значительно болѣе крупныхъ результатовъ. Мнѣ пріятно сознаніе, что мнѣ удалось установить внутреннюю логическую и историко-литературную связь между многими мотивами и представить ихъ въ большинствѣ въ надлежащей послѣдовательности. Правда, не вездѣ это мнѣ удалось, и нѣкоторыя главы висятъ, такъ сказать, въ воздухѣ, безъ внутренней связи съ другими главами; но полнаго успѣха весьма трудно достичь при изученіи пестраго калейдоскопа народной словесности вообще, а мотивовъ о глупости въ особенности.

Настоящее изслѣдованіе о крупномъ отдѣлѣ народной словесности и его многочисленныхъ развѣтвленіяхъ, на нашъ взглядъ, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на всю народную словесность, до нѣкоторой степени характеризуетъ ея международный характеръ и внутреннюю связь различныхъ ея формъ и родовъ, отъ мелкаго анекдота до обширныхъ повѣстей и пѣсенъ.

Въ историко-литературномъ отношеніи настоящій нашъ трудъ облегчаетъ рѣшеніе сложныхъ вопросовъ о вліяніи западныхъ фаблю, фацецій, новеллъ и нѣмецкаго Тилля Эйленшпигеля на русскую народную словесность.

Въ историко-культурномъ отношеніи на такомъ обще-сравнительномъ изслѣдованіи, какъ настоящее, раскрывается вся справедливость и глубокая основательность замѣчанія англійскаго ученаго Клоустона, что народныя сказанія имѣютъ великую силу надъ національнымъ вкусомъ и нравами; сравнительное изслѣдованіе народныхъ сказокъ не только обогащаетъ нашъ умъ, но и расширяетъ наши симпатіи, даетъ намъ видѣть лучше, чѣмъ что-либо иное, общее братство всего человѣческаго рода.

I.

Анекдоты объ абдеритахъ, шильдбургерахъ, пошехонцахъ, запорожцахъ
и пр. въ коллективномъ видѣ.

Повидимому, всѣмъ народамъ свойственна склонность къ территориальному или личному прикрѣпленію анекдотовъ о глупцахъ. Склонность эта имѣетъ психологическую основу. При централизаціи анекдотовъ вокругъ одного имени, они приобрѣтаютъ сравнительно большій интересъ, легче запоминаются и подчасъ приобрѣтаютъ заманчивость бытовой дѣйствительности. Территориальное закрѣпленіе придаетъ многимъ вымысламъ такое обманчивое историческое освѣщеніе, что не только довѣрчивая толпа принимаетъ ихъ за чистую монету, но даже люди науки относились къ нимъ иногда вполне довѣрчиво и занесли ихъ въ учебники какъ историческіе факты. Такъ, въ школьныхъ учебникахъ евванцы до сихъ поръ слывятся глупцами и подысканы даже натянутыя объясненія, почему рядомъ съ мудрыми аеинянами евванцы были глупы. Нужно думать, что близкое сосѣдство богатыхъ, роскошныхъ и ученыхъ Аеинъ дѣйствительно отгѣняло сравнительную захолустность и простоту Еввъ. Остальное довершило искусственное литературное противоположеніе, далеко не единственное на страницахъ исторіи. Нѣчто подобное сказалось и въ древней русской лѣтописи въ повѣствованіи о посѣщеніи св. ап. Андреемъ Кіева и Новгорода, встрѣчается и нынѣ, напр., въ Малой Азіи въ арабскихъ анекдотахъ о двухъ близко стоящихъ городахъ Гамѣ и Гемсѣ.

Источники не даютъ объясненій, почему то или другое населеніе попало въ число глупыхъ. Народъ вообще любитъ мѣстные приуроченія. Къ одному остроумному анекдоту съ мѣстнымъ приуроченіемъ, къ одной бойкой пословицѣ нарастаютъ другіе. Иногда достаточно небольшого этимологическаго повода, чтобы свергнуть городъ въ бездну глупости. Арабскій Гемсѣ (древняя Эмесса) слыветъ глупымъ городомъ, а недалекій отъ него Гама—умнымъ; въ анекдотахъ они противопоставляются, какъ полагаютъ, потому, что первое названіе близко къ слову гамаза—жарить, ругаться надъ кѣмъ, а второе—къ гама—покровительствовать, защищать ¹⁾).

Национальное приуроченіе можетъ вызывать среди самого народа скептицизмъ, сомнѣніе въ его основательности, и тогда является хронологическая мотивировка такого приуроченія. Такъ, въ малорусскихъ сказкахъ анекдоты о глупости часто связываются съ жидами, и для оправданія дѣлается иногда оговорка, что „жиды недавно стали де що тямиты, а напередъ были дуже дурни“ ²⁾. То же самое повторяется въ сѣверной Германіи въ сказ-

¹⁾ Clouston, The book of noodles, 75.

²⁾ Чубинскій, II 573.

кахъ о вендахъ: „Als die Wenden zuerst in diese Gegend gekommen sind, waren sie noch ein wenig dumm“¹⁾).

Весьма любопытнымъ въ хронологическомъ смыслѣ и въ смыслѣ содержания представляется древне-греческій сборникъ анекдотовъ Герокла, александрийскаго ученаго V-го вѣка. Не всѣ анекдоты принадлежатъ Героклу и его времени. Древность иныхъ анекдотовъ, приписанныхъ Героклу, выходитъ далеко за V вѣкъ; имя Герокла привлекло къ себѣ древніе странствующие анекдоты. Шутки Герокла въ средніе вѣка проникли въ устную словесность и письменность западно-европейскихъ народовъ. Сборникъ анекдотовъ Герокла изданъ Эбергардомъ въ Берлинѣ подъ заглавіемъ *Philogelos Hieroclis et Philagrii Facetiae*. Изъ Герокла видно, что въ древности незавидной славой глупцовъ пользовались жители многихъ городовъ: Абдеры, Сидона, Кумъ и нѣкот. др. Анекдоты Герокла большей частью очень кратки, въ нѣсколько строкъ. Въ русской литературѣ вліянія ихъ не замѣчено. Отмѣтимъ лишь нѣсколько анекдотовъ наиболѣе остроумныхъ, при всей ихъ краткости. Одинъ дурень упрекалъ своего отца въ томъ, что онъ своимъ рожденіемъ помѣшалъ ему унаслѣдовать состояніе дѣда. Другой глупецъ, услышавъ, что воронъ живетъ 200 лѣтъ, купилъ одного ворона, чтобы лично убѣдиться въ его долговѣчности. Третьему дурню приснилось, что его преслѣдуетъ дикій кабанъ, и онъ сталъ класть около себя собакъ. Много анекдотовъ состоитъ въ неумѣлой игрѣ словами или въ путаницѣ понятій; напр. нѣкто сказалъ своему знакомому, что видѣлъ и говорилъ съ нимъ во снѣ, и знакомый отвѣтилъ: „извините, я былъ такъ занятъ, что не слышалъ васъ“. Въ другомъ разсказѣ пациентъ извиняется передъ врачомъ, что скоро выздоровѣлъ. Глупцу приснилось, что онъ занозилъ ногу; утромъ онъ обвязалъ ногу и сказалъ своему товарищу, что съ нимъ случилось, а послѣдній не менѣе глупо укорилъ его, что онъ ходилъ босымъ. Широкое распространеніе получилъ анекдотъ о томъ, какъ глупецъ по ошибкѣ обрилъ себѣ голову и потомъ не узналъ самого себя. Въ персидскомъ разсказѣ дурень, прожившій много лѣтъ въ лѣсу, въ городѣ перевязалъ себѣ ленточкой ногу, чтобы отличить себя въ толпѣ, и, когда одинъ шутникъ снялъ ленточку съ его ноги во время сна и надѣлъ на свою ногу, бѣднякъ, проснувшись, затруднялся опредѣлить свою личность; у Герокла глупецъ, стоя передъ зеркаломъ, закрываетъ глаза изъ желанія увидѣть, каковъ онъ во снѣ. Сходный анекдотъ вошелъ въ старинный (1635 г.) сборникъ англійскихъ анекдотовъ Джона Тэйлора „Wit and Wirth“²⁾.

М

1) *Veckensted*, *Wendische Sagen* 101.

2) *Clouston*, *The book of noodles*, 1—12.